

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств	Пружина для мышеловки
Игра на чужом поле	Городской тариф
Украденный сон	Чувство льда
Убийца поневоле	Все не так
Смерть ради смерти	Взгляд из вечности. Благие намерения
Шестерки умирают первыми	Взгляд из вечности. Дорога
Смерть и немного любви	Взгляд из вечности. Ад
Черный список	Жизнь после Жизни
Посмертный образ	Личные мотивы
За все надо платить	Смерть как искусство. Маски
Чужая маска	Смерть как искусство. Правосудие
Не мешайте палачу	Бой тигров в долине
Стилист	Оборванные нити
Иллюзия греха	Последний рассвет
Светлый лик смерти	Ангелы на льду не выживают
Имя потерпевшего никто	Казнь без злого умысла
Мужские игры	Обратная сила. 1842 - 1919
Я умер вчера	Обратная сила. 1965 - 1982
Реквием	Обратная сила. 1983 - 1997
Призрак музыки	Цена вопроса. Том 1
Седьмая жертва	Цена вопроса. Том 2
Когда боги смеются	Горький квест. Том 1
Незапертая дверь	Горький квест. Том 2
Закон трех отрицаний	Горький квест. Том 3
Соавторы	Другая правда. Том 1
Воющие псы одиночества	Другая правда. Том 2
Тот, кто знает. Опасные вопросы	Безупречная репутация. Том 1
Тот, кто знает. Перекресток	Безупречная репутация. Том 2
Фантом памяти	Дебютная постановка. Том 1
Каждый за себя	Дебютная постановка. Том 2
Замена объекта	

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

ДЕБЮТНАЯ ПОСТАНОВКА

Том 2

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Коллаж на обложке *Ю. Девятовой*

Маринина, Александра.

М26 Дебютная постановка. Том 2 / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-04-201994-4

Ошеломительная история о том, как в далекие советские годы был убит знаменитый певец, любимчик самого Брежнева, и на что пришлось пойти следователям, чтобы сохранить свои должности.

1966 год. В качестве подставки убийца выбрал черную, отливающую аспидным лаком крышку рояля. Расставил на ней тринадцать блюдец, а на них уже — горящие свечи. Внимательно осмотрел кушетку, на которой лежал мертвец, убрал со столика опустошенные корочки из-под снотворного. Остался последний штрих, вишенка на торте... Убийца аккуратно положил на грудь певца фотографию женщины и полоску бумаги с короткой фразой, написанной печатными буквами.

Полвека спустя этим делом увлекся молодой журналист Петр Кравченко. Легендарная Анастасия Каменская, оперативник в отставке, помогает ему установить контакты с людьми, причастными к тем давним событиям и способными раскрыть мрачные секреты прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201994-4

Август 1969 года

Михаил Губанов

Не все мечты имеют обыкновение сбываться, к сожалению. Но вместо несбывшихся мечтаний и неоправдавшихся надежд могут возникнуть неожиданные новые перспективы и возможности. Пусть не сразу, но, если набраться терпения, можно дождаться. Главное — вовремя их заметить и не упустить.

С «мировой славой» в связи с ярким и быстрым выявлением преступника, убившего знаменитого певца Владилена Астахова, у Михаила не срослось. Громкой огласки дело не получило, в кулуарах полупшепотом похвалили следователей Польшцева и Садкова, записали им в личные дела поощрение, а о Михаиле Губанове никто и не вспомнил. Правда, сам Михаил делал все возможное, чтобы все его коллеги оказались в курсе. Нет, до открытого хвастовства он не опускался, но при малейшей возможности упоминал о своей роли в раскрытии преступления, о том, каким наблюдательным и внимательным он оказался и как попал «в цвет» со своими предположениями и выводами, и что

ДЕБЮТНАЯ ПОСТАНОВКА. ТОМ 2

без его помощи следователи так и топтались бы на месте, не продвинувшись ни на миллиметр. Сначала купался в восхищенных и одобрительных взглядах, но очень скоро все сошло на нет: система сверху донизу бурлила от реальных перемен и от слухов о переменах мнимых, всем было не до личного успеха какого-то рядового следователя Губанова из обычного районного управления.

Дома, в кругу семьи, насладиться успехом в полной мере тоже не получалось, ведь он дал слово брату Николаю, что никто не узнает об участии Михаила в этом деле. Ни Юра, ни его друг Славик ни в коем случае не должны догадываться, что именно дядя Миша, брат Юркиного отца, посадил отца Славки. И мать, Татьяну Степановну, тоже хорошо бы держать неосведомленной, ведь ей каждое лето жить в Успенском, где наверняка найдется немало людей, которым она с гордостью расскажет про сына Мишу и которые начнут тыкать в нее пальцем и кричать на весь поселок: «Это твой сын нашего Витю посадил ни за что!» С Ниной и Ларисой можно было бы поделиться, они на даче бывают только наездами, проводят там мало времени и ни с кем особо не общаются, но... Бабы ведь! Языки без костей. Будут давать самые страшные клятвы, что никому не скажут, а уже через день, если не через час, и мать узнает, и Юрка. Тем более Татьяна Степановна Славика любит, а о его отце Викторе Лаврушенкове всегда отзывалась очень по-доброму. Нет, не разделит мама радость сыночка Мишеньки. А уж Юрка тем более не поймет. Все три года, что прошли после

ареста Виктора, от племянника только и слышно: «Я не верю! Дядя Витя не мог такого сделать!» Дети... Что они понимают-то?

Оставаться на прежней должности и продолжать заниматься унылыми бытовыми преступлениями, кражами и уличными грабежами было скучно. Михаил злился, считая себя способным на большее, мысленно негодовал на тех, кто не ценит его, не видит огромный потенциал, не предлагает повышения. Николай мог бы помочь младшему брату, это само собой, но отчего-то не предлагал и даже не заговаривал о такой возможности, а просить Миша не хотел. Ни за что! Просить — это унижить себя. Сами должны оценить и сделать хорошее предложение.

И вдруг неожиданная удача свалилась прямо на голову: в начале февраля 1969 года издали приказ об образовании подразделений политико-воспитательной работы. А кого туда назначать? Да кто под руку попадется! Желательно, конечно, чтобы человек был уважаемый, да с опытом, да с правильной биографией, но где ж их в таком количестве набрать, чтобы хватило на каждый горрайотдел, областное или краевое управление, да еще и на все линейные отделения и отделы в транспортной милиции?

Михаил быстро сориентировался, где надо — намекнул, где надо — высказался прямым текстом. И оказался на должности заместителя начальника райотдела по политико-воспитательной работе. Это был резкий скачок по карьерной лестнице: минуя должности старшего следователя, начальника следственного отдела — сразу в замначальники

райотдела, на полковничью должность. Сперва на Губанова смотрели косо, завидовали мгновенному продвижению, за спиной перешептывались — мол, наверняка брат помог. Но разговоры быстро потухли, как только Михаил показал, что он — свой парень, никому палки в колеса вставлять не собирается и будет помогать всем, кому сможет. Ведь что такое зам по ПВР? Это человек, без визы которого не состоится ни одно назначение, не уйдет ни одна характеристика. Постановка в очередь на жилье? Путевки на санаторно-курортное лечение? Присвоение очередного звания? Все через Михаила Андреевича. А уж если звание внеочередное, досрочное — то тем более! Поощрения и взыскания по комсомольской и партийной линиям — только с согласия капитана Губанова. От нового заместителя отныне зависела вся жизнь и карьера сотрудника милиции.

Через полгода на Михаила стали смотреть совсем иначе. Теперь его замечали. С ним считались. Его благосклонности добивались всеми правдами и неправдами, старались услужить и угодить, заглядывали в глаза, пытаясь уловить настроение и подгадать правильный момент для обращения с просьбой. «Хорошо, что его назначили, — говорили коллеги. — А то ведь как могло выйти? Поставили бы кого-то из своих «стариков», опытных профессионалов, — оголили бы участок оперработы. Привели бы кого-то со стороны — с ним не договоришься, он никого из нас не знает. А Миша — свой, разбирается, кто из нас что из себя представляет, в курсе всех наших проблем».

Это было правдой, Михаил и в самом деле все про всех знал, поддерживал приятельские отношения со всеми на протяжении семи лет работы в этом райотделе.

Он начал чувствовать вкус власти и упивался этим.

Ни в одном коллективе не бывает монолитности, это всем известно. Всегда существуют как минимум две группировки, но, как правило, их больше.

Пару месяцев назад, в самом начале лета, назначили партсобрание, на повестку вынесли персональное дело старшины Дубового из дежурной части. Будучи помощником дежурного, Дубовой заступил на службу «с запахом» и позволил себе не вполне вежливое обращение с гражданином, который пришел заявить о том, что у него украли кошелек. Невежливость заключалась в том, что старшина Дубовой посоветовал этому гражданину обратиться не в райотдел, а в отделение милиции, находящееся ближе всего к месту кражи. Гражданин возмутился, ибо пропажу кошелька обнаружил буквально полчаса назад, когда находился именно здесь, рядом с райотделом, и не может знать, в какой момент и где именно его карманы незаметно облегчили. Может, в трамвае, а может, в магазине или вообще в толпе на улице. Тон разговора малопомалу повышался, и заявитель вдруг почувствовал запах перегара, исходящий от старшины. Был вызван начальник дежурной части, составлена в письменном виде возмущенная жалоба на имя начальника райотдела...

И вот теперь предстояло разобрать на партсобрании недостойное поведение старшины, немолодого человека, опытного сотрудника, проработавшего в этом отделе два десятка лет и пережившего нескольких начальников.

Парторг райотдела пришел к Михаилу «готовить решение». Ну а как иначе-то? Не полагаться же на участников собрания. Кто его знает, чего они выкинут, как выступят и как проголосуют. Решение должно быть предсказуемым, следует обеспечить подготовленные выступления, чтобы голосование прошло как надо, а не как получится.

Парторг, сорокалетний старший опер, занимал жесткую позицию и считал, что Дубового нужно строго наказать. Лучше всего — исключить из партии, что автоматически повлечет за собой увольнение из органов.

— Министр очень строго относится к таким вещам, — убежденно говорил он Михаилу. — Милиция — лицо власти в глазах граждан, а дежурная часть — лицо всей милиции, он это неоднократно повторял. К дежурке предъявляются самые строгие требования. Как работаем мы, оперсостав, мало кто видит и знает, а дежурка у всех на виду, она — первое, с чем сталкивается население, когда у людей что-то случается. Такое нельзя спускать с рук, Дубового следует наказать примерно, чтобы другим неповадно было. Пусть положит партбилет на стол, всем будет наука.

— Согласен, — кивнул Михаил. — Но ты подумай вот о чем: Дубовой — старожил у нас, он дольше всех здесь работает. Ты помнишь, при ком он начинал?

— Да я и не знаю, — пожал плечами парторг. — Какая мне разница? Это сто лет назад было, при царе Горохе.

— А ты в курсе, где теперь этот царь Горох, который принимал Дубового на службу?

Парторг, как выяснилось, не знал. Ни имени того Гороха, ни его нынешней должности. Михаил вздохнул, укоризненно покачал головой и провел краткий курс просветительской работы. Тот начальник, который привел в дежурную часть малограмотного, но старательного старшину-фронтовика, теперь работал в отделе административных органов Мосгорисполкома. И отношения с нынешним начальником райотдела у этого человека были весьма и весьма напряженными, чтобы не сказать больше.

— Ах вот ты кого имеешь в виду, — протянул парторг. — Ну да, наш полковник с ним на ножах, это точно. Мне говорили, что он когда-то был здесь начальником, но я его с Дубовым как-то не связал... А они что, родственники?

— Однополчане. Фронтальная дружба, сам понимаешь. Если обидеть Дубового, то нашему полковнику лучше не станет, сечешь?

— А по-моему, он только рад будет насолить отделу адморганов.

— Уверен? — прищурился Михаил.

— Ну да. А почему нет-то?

— Балда ты. Ну, насолит он, и что? Его и так в исполкоме не любят, а станут еще больше не любить. Кому от этого лучше? В исполкоме пойдут разговоры, что наш начальник решает кадровые вопросы исходя из личных симпатий и антипатий, а не ■

из интересов службы. Для чего лить масло в огонь, когда можно, наоборот, песочком присыпать? Поддержим сейчас Дубового — нам в плюс пойдет.

— А министр?

— Да что тебе министр! — сердито прошипел Губанов. — Где он, этот министр? Он так высоко наверху, что ему Дубового и не видно, как и всю нашу контору районную. Министр вообще не москвич, в столице без году неделя, никого здесь не знает, и ему на нас плевать с высокой колокольни. А фронтовой друг из Мосгорисполкома нас всех очень даже видит, особенно тех, с кем когда-то служил и кого знает лично. Ты маленький, что ли? Ты не понимаешь, что нельзя всегда подыгрывать нашему полковнику? Отношения в нашем коллективе сложные, есть преданные руководству люди, а есть те, кто его терпеть не может. Друзья и враги, одним словом. И если все время играть в одни ворота, то другая команда может взбелениться. Тебе оно надо? Мы с тобой здесь для того поставлены, чтобы поддерживать баланс и не давать пожару вспыхнуть. Что тлеет — то пусть тлеет, но искры лететь не должны. Сегодня мы поддержим Дубового, а в следующий раз дадим поблажку человеку полковника. Покажем свою беспристрастность.

— Ну...

Парторг пожевал губами и, в конце концов, признал, что резоны замначальника по политиковоспитательной работе не лишены оснований.

— А начальник что на это скажет? — спросил он неуверенно. — Ты ему тоже будешь про баланс петь?

— Ну зачем же, — улыбнулся Михаил. — Я ему расскажу про тяжелую ситуацию Дубового. Он ведь почему выпил накануне? Знаешь?

— Нет.

— Именно что. Ничего ты о людях не знаешь. У него сестра померла. Девять дней поминали. Ну как без рюмки-то? А на следующий день заступил на смену. Понятно, что запах был. И понятно, что не сдержался, голос повысил, вежливость забыл. Наш старшина очень сестру любил, они в войну всю родню потеряли: кто на фронте погиб, кто от голода и болезней умер. Вдвоем остались, были друг к другу привязаны сильно. Помянул человек единственную оставшуюся родственницу, помянул по-русски, как положено, и его теперь за это из партии и со службы гнать? Не по-человечески это.

Парторг в изумлении уставился на Губанова:

— А ты откуда все это знаешь? Дубовой рассказал? Так он тебя разжалобить хотел, а ты и повелся. Не ожидал от тебя, Миша, вот честно. Сразу видно, что ты не опер.

Михаил расхохотался:

— Точно, я не опер. Это ты в самый корень зришь. Я политик и воспитатель. Это означает, что я должен знать о сотрудниках все, что можно. Чем они живут, чем дышат, какие у них трудности в личной и семейной жизни. Политику, друг мой, только так и делают: личными связями и личной информацией. Без этого с людьми не управишься. Мотай на ус. Так что про Дубового я давным-давно все знаю, я ему и матпомощь на похороны сестры помогал выбивать в нашей бухгалтерии. ■

— Ну ты даешь, — протянул парторг и посмотрел на Губанова с нескрываемым уважением. — Столько лет тебя знаю, но даже не подозревал, что ты такой.

— Какой — такой? Я дружелюбный и понимающий. А какой еще?

Парторг не ответил, но взгляд его Михаилу не понравился. Нехороший был взгляд.

— Наверное, хочешь спросить, что такого интересного я про тебя знаю? Не волнуйся, ничего. Мне ведь не нужно тебя воспитывать, ты — парторг, сам кого хочешь воспитать можешь. И любую проблему решишь без моей помощи. Так что знать про твою жизнь мне без надобности.

Глядя на дверь, закрывшуюся за парторгом, Михаил скривился в усмешке. Уж кто-кто, а этот человек — плохой опер, это точно. Поверил Губанову. Поверил, что зам по ПВР не собирает о нем информацию. Как же, жди!

Он всё про всех знает. И только благодаря этим знаниям умело поддерживает тот самый баланс, о котором толковал. До тех пор, пока противоборствующие силы находятся в равновесии, капитан Губанов будет находиться у власти. Пусть у маленькой, смешной, на уровне всего лишь одного района столицы, но все равно у власти.

Сладкой. Придающей его жизни смысл и вкус.

Только вот не напрасно ли он разговорился с парторгом насчет поддержания баланса и сбора информации? Конечно, глупо было так откровенничать, ужасно глупо. Теперь Михаил корил себя за несдержанность, за неуместное хвастовство. Не

надо было ничего этого говорить, ох, не надо было! Но очень уж хотелось выглядеть умным, дальновидным, оправдать свое назначение, которое многим казалось просто вызывающим: в двадцать девять лет стать заместителем начальника райотдела! Это же уму непостижимо! Хотя предыдущий министр, Тикунов, занял должность в сорок лет — и ничего, отлично справлялся, руководил огромным и важным министерством, а тут всего лишь районный отдел, и этот аргумент тоже звучал, когда обсуждали кандидатуру капитана Губанова. Представитель династии, милицейская семья, отец служил в органах, брат и сестра служат, высшее образование, что немаловажно в свете новых веяний...

«Зачем я разоткровенничался? — с досадой думал Михаил. — Идиот! Кто меня за язык тянул?» Но в глубине души он прекрасно знал ответы: его распирало от осознания собственной гениальности, когда в голове сложилась формулировка о поддержании баланса и об использовании личной информации. Хотелось непременно с кем-нибудь поделиться, чтобы оценили остроту ума, прозорливость, широту мышления. Хотелось хоть кому-нибудь доказать, что он, капитан Губанов, по праву занимает свою новую должность, потому что действительно достоин, а не потому, что «династия и высшее образование».

С того дня прошло два месяца, и беспокойство, которое испытывал Михаил, понемногу улеглось. То ли парторг оказался не болтливым и никому ничего не рассказал, то ли не понял всю глубину губановской мысли, то ли не смог донести ее до

других собеседников. Одним словом, обошлось. Ни одного косога взгляда, ни одной ухмылки в свой адрес Губанов не заметил.

Сегодня ему предстоял приятный вечер: поездка в аэропорт, чтобы встретить с рейса человека, который привезет ему маленькие, но полезные подарочки. Нет, это не Разумовский, ни боже мой. Лев Ильич — отработанный материал, он больше не нужен. Во-первых, ученые его специальности выезжают за рубеж довольно редко, хорошо если раз в два-три года на какой-нибудь высокоумный симпозиум. Во-вторых, он расстался с Ларисой. Ну, или она с ним, не суть важно. Главное, что роман завершился. Так что услугами Разумовского Миша успел воспользоваться только пару раз, но зато как эффективно! Помимо заграничных «сувениров» завел определенные знакомства. Всего-то и нужно было, встречая в аэропорту самолет, которым прилетал Лев Ильич, высмотреть среди пассажиров того же рейса кого-нибудь с большим багажом, вежливо и заботливо предложить помощь, поднести тяжелый чемодан до машины и попутно разговориться и произвести хорошее впечатление мягкими манерами, негромким голосом и обаятельной улыбкой. Это ведь не трудно, а результат может получиться очень хорошим. Да, не каждый раз, но через раз — точно. Паспортный контроль — дело долгое, ожидание багажа тоже, пассажиры одного рейса выходят не толпой, и от первого до последнего проходит достаточно времени, чтобы успеть «очемоданить» трех-четырёх человек, из которых двое наверняка ■ оставят свой номер телефона и с благодарностью

предложат поддерживать знакомство. Какой бы ты ни был важной персоной, выезжающей в командировки за рубеж, а приятельствовать со следователем никогда не помешает, это все понимают.

Кроме того, существует такая полезная штука, как адресный учет. Не представляло ни малейшей проблемы выяснить, прописаны ли на территории района сотрудники МИДа, работающие за границей в составе дипкорпуса. И если прописаны, то есть ли в семьях дети. Взрослые молодые люди. Типа золотой молодежи. Уж этих-то всегда можно на чем-нибудь прихватить если и не по линии уголовного розыска или ОБХСС, то по линии комсомольской организации. А там и родители объявятся. Если в данный момент находятся за рубежом, то организуют телефонный звонок «сверху», а если приехали в столицу в отпуск или по делам, то и лично придут. Дальнейшее — дело техники, которой капитан Губанов овладел почти в совершенстве.

Что там замшелый ученый Лев Ильич Разумовский! Теперь в обойме у Губанова столько «выезжантов», что встречать рейсы приходилось каждый месяц. Сегодня, например, прилетает из Штатов доктор исторических наук, один из главных в стране специалистов по истории КПСС, автор учебников и монографий, лауреат Ленинской премии, участник подготовки материалов к трем съездам партии. Вот уж кто без конца катается по всему миру! Его посылают на все конгрессы коммунистических сил, на съезды всех компартий, в том числе и капиталистических стран. И в Англию, и во Францию, и в США, и в Латинскую Америку.

Встречающих рейсы из-за рубежа всегда очень много. Во-первых, не на автобусе же переться человеку, побывавшему за границей! Значит, нужны машина и водитель. Во-вторых, встретить того, кто прилетел «оттуда», это целое событие для семьи и друзей. Обнять человека, который еще несколько часов назад дышал «тем» воздухом, первыми выслушать его рассказы о впечатлениях, первыми увидеть привезенные сувениры и всякие красивые мелочи, а порой и не мелочи вовсе. Одним словом, праздник!

Михаил приехал вовремя, минут за десять до указанного в расписании времени прибытия рейса, но, к своему огорчению, услышал объявление, что рейс запаздывает на полчаса. Деваться было некуда. Он вышел наружу, выкурил две сигареты, вернулся и занял место, откуда хорошо были видны ворота, через которые выходили пассажиры. Тех, кто встречал ученого-историка, Губанов заметил давно, он их уже неоднократно видел и был знаком: немолодая надменная жена и симпатичная, модно одетая дочка лет тридцати пяти, которую папаша пристроил на непьющую, но хорошо оплачиваемую должность в Госплане. Поймав рассеянный взгляд супруги, улыбнулся и помахал рукой, спустя пару минут подошел поздороваться, справиться о самочувствии. Дама цедила слова сквозь зубы, а дочка, напротив, поддерживала разговор вполне благожелательно и завела ни к чему не обязывающую беседу об автомобильных проблемах. Права у нее были, но своей машиной она пока не обзавелась, ■ зато отцовскую «Волгу» водила лихо и при каждом

удобном случае. Вообще-то она нравилась Михаилу, тем более была свободна после недавнего развода, но ухаживать и даже просто проявлять знаки повышенного внимания он не собирался. Зачем ему эта девица, упакованная с ног до головы, да еще и старше на несколько лет? Даже если удалось бы ее захомутать, Миша превратится в примака в обеспеченной высокопоставленной семье и на него станут смотреть как на вошь, случайно попавшую в дорогой импортный сапог. Нет, такое положение ему совсем не улыбается. Желая жену он себе подберет такую, чтобы в рот смотрела и считала за великое счастье выйти за него замуж и верно ему служить. Молодую, глуповатую и непритязательную, но при этом красивую. Да и не к спеху ему, успеет еще. Чем крепче будет его профессиональная позиция, чем выше должность и звание, тем шире окажется круг молодых заинтересованных девчонок, из которых можно будет выбирать. А уж он выберет такую — все передохнут от зависти.

В зоне прилета душно, на улице стоит жара, не ослабевшая даже к вечеру, Михаил потел в форменном кителе, и, когда появился элегантный улыбающийся специалист по истории партии с большим чемоданом и сумкой, Губанов был уже весь мокрый. Ему хотелось как можно скорее выйти из здания аэропорта, но пришлось терпеливо ждать еще несколько минут, пока прилетевший и встречающие закончат обниматься и целоваться. Наконец историк обратил на Мишу благосклонный взор.

— Михаил Андреевич, — он торжественно раскрыл большую дорожную сумку и вытащил яркий

пластиковый пакет, — ваша скромная просьба выполнена.

Михаил торопливо сунул пакет в портфель, который взял с собой именно на такой случай. Когда ты в форме, в руках не должно быть ничего, кроме портфеля, папки или планшета. А уж яркий пакет — грубейшее нарушение.

Супруга недовольно скривилась и сварливо заметила:

— Скромная просьба оказалась довольно крупной.

Ну, это как всегда. Женщине ужасно не нравилось, что ее муж тратит валютные командировочные на какого-то безродного знакомого. Лучше бы лишний флакон духов привез или пару туфель.

— Я просил только модную оправу для очков, — поспешно произнес Михаил. — Для жены моего брата. Она плохо видит, а наши оправы такие некрасивые. Хочу сделать ей подарок ко дню рождения.

— Там и оправка, и кое-что еще от меня лично, — довольным голосом прогудел историк. — Не думайте, что я не умею быть благодарным.

При этих словах он бросил очень выразительный взгляд на супругу. Ее племянник не так давно попал в неприятную историю, и Губанов сделал все от него зависящее, чтобы помочь. Видимо, надменная и известная своей жадностью дама быстро забыла, кому обязана спасением родственника от уголовной статьи. А муж нашел возможность напомнить ей.

Дочка молчала с безразличной улыбкой, но по ее лицу было видно, что она все понимает и ей